

«5 марта 2011 г. стало известно о внезапной кончине виолончелиста Чиркова Владимира Николаевича, который большую часть своей жизни служил солистом оркестра театра оперы и балета. Выпускник пермского музыкального училища и Горьковской консерватории более 30 лет являлся преподавателем училища по классу виолончели и доцентом института культуры на кафедре оркестровых струнных и духовых инструментов. Его выпускники учатся в Санкт-Петербургской, Уральской, Нижегородской консерваториях, работают в музыкальных школах Перми и играют в ведущих российских оркестрах».

Из некролога.

Сообщение в местной прессе о «внезапной кончине виолончелиста Чиркова Владимира Николаевича», как это ни чудовищно, вызвало у меня улыбку по поводу современной подготовки материалов в жанре некролога. Основной текст был взят «интернет-зависимым» корреспондентом из краткой информации о сотрудниках на сайте Пермского института искусства и культуры, где, действительно, Владимир Николаевич был по существу основателем класса виолончели.

Как интересно получается: к краткой служебной характеристике добавить глагол «умер» – и получится некролог.

В сообщение, пришедшее на телефон, я поначалу тоже не поверила. Нет, конечно, с такими вещами в нашем кругу не шутят, но надежда на ошибку была очень велика, ибо, как выяснилось, почти с каждым из нас «ещё вчера» Володя разговаривал по телефону, и никто не заметил надвигающейся беды.

Первый раз я увидела виолончелиста Чиркова чуть более 30 лет тому назад, когда приехала в Пермь прослушиваться в оркестр театра. Ко мне подошёл высокий мужчина в очках, во фраке с бабочкой – сошедший со страниц книги типаж оркестрового музыканта. «У Вас вместе со мной соло во втором акте», – представился музыкант и, увидев мои удивлённо вскинутые брови, махнул рукой: «Ничего, по ходу дела разберёмся».

Совместное соло прошло удивительно гладко. Как я поняла потом, Володя незаметно вписался в мою игру, не нарушив ни фразы, ни унисона.

«Разбираться по ходу дела» нам посчастливилось около 30 лет, т. к. Владимир Николаевич проработал в театре почти до самого ухода из жизни, оставаясь на протяжении многих лет почти единственным

«приходящим» заместителем концертмейстера группы (в театре он работал в статусе совместителя).

Он являлся в театр всегда заранее и всегда в форме, во всех смыслах этого выражения. Впрочем, я не помню случая, чтобы он вообще куда-нибудь и когда-нибудь опоздал, хотя был по-творчески достаточно рассеянным человеком.

В последний свой театральный сезон однажды он сообщил мне, что подал заявление об уходе. «Вы с ума сошли! – сказала я, – Вас же уволят!».

И его уволили.

Не думаю, чтобы Владимир Николаевич надеялся на «киношный» вариант – когда «начальник» демонстративно рвёт заявление об уходе. Ну, что-то типа: «Кто же учитель, если не ты, и кто ты, если не учитель?». Уверена, что решение он принял окончательное, но предательская надежда услышать добрые и приятные слова, думаю, его не покидала. Но всякое современное руководство, необходимо признать, при всей моей нелюбви к обобщениям, не любит подстраиваться под людей, даже если люди эти отдают любимому делу всю свою жизнь. И его легко отпустили. Возможно, как раз этот факт стал осязаемым «надрезом» в тонкой струне здоровья. Володя сделал выбор в пользу работы в музыкальном училище, которому остался верен до конца своих дней.

Именно в музыкальном училище он получил свою единственную награду – Знак «За достижения в культуре», именно благодаря его ученикам стал постепенно «разрастаться» класс виолончели на кафедре Пермского института искусства и культуры. Пришло время увеличивать штат, и я приняла решение привлечь к работе на кафедре сразу двух молодых виолончелистов, на что Володя отреагировал без тени опасения конкуренции. «Я очень рад, будет очень хорошо, если на нашей кафедре будут работать такие виолончелисты». Владимир Николаевич был профессионально настолько самодостаточен, что не хотел быть ни первым, ни единственным, он хотел быть «одним из».

Наверное, самым примечательным был некролог, посвящённый Лучано Паваротти: «Великий Паваротти умер, так и не овладев нотной грамотой». Как бы остроумно это ни звучало, эти слова совершенно не применимы к Владимиру Николаевичу, ибо своей профессией он владел в совершенстве. В годы учёбы был отличником, в годы работы, казалось, знал всё, что хоть сколько-нибудь касалось музыкального искусства. Обсуждение выступлений студентов выливалось в интересные рассказы об истории создания тех или иных сочинений, которые нельзя было прочесть в книгах, потому что они передавались от профессора к профессору, как говорится, «из первых рук».

Один из любимых виолончельных концертов – Дворжака – играли студенты постоянно, и каждый раз Володя восклицал: «Скажи, ну как,

как можно было написать такую музыку?!» Затем следовал рассказ о том, как Дворжак посвятил концерт своей возлюбленной и, когда узнал о её смерти, вынужден был забрать рукопись из издательства, чтобы переписать финал.

Часто во время прослушиваний, сидя за столом комиссии в зале, Чирков шептал мне: «Хочешь конфету?». «Конечно, хочу», – отвечала я, ничуть не смущаясь того, что в этот момент мы вообще-то являемся доцентами кафедры. Володя не отличался чрезмерной серьёзностью, ошибки студентов воспринимал как просто повод «доучить» и «доделать», потому что учил их самому главному и основному, а всю работу вообще воспринимал как повод для общения, во время которого весомая доля отводилась шутке.

Анекдоты «от Чиркова» и «про Чиркова» буквально сопровождали нашу жизнь. Так, в одной из зарубежных поездок с балетом друг другу передавался рассказ о том, как Володя объяснял, где находится музыкальный магазин в Мюнхене: «Вот ты проходишь через арку, там улица, где все идут туда, так вот ты иди обратно...».

Володя играл на виолончели так, что был замечен и высокий уровень знания технологии, и особенное понимание звуковедения, построения фразы, тонкостей эмоционально-художественного плана. Однажды он репетировал знаменитое соло из «Бахчисарайского фонтана» Б. Асафьева и так увлёкся, что не заметил, что дирижёр остановил оркестр, и продолжал, продолжал играть, потому что не мог, как говорится в таких случаях, выйти из образа. Вся «яма» ему уже кричала о том, что «игра остановлена», но он не слышал, потому что приближалась самая кульминация. Наконец он остановился под всеобщий смех и спросил удивлённо: «А что? Что случилось?».

Как все артисты, Володя был достаточно раним. Как-то дирижёр сделал ему некорректное замечание во время исполнения соло из «Спящей красавицы». Он был сам не свой: «Вот я даже не знаю, смогу ли я теперь играть».

Исполнительская профессия требует выдержки, крепких нервов, сильной воли. Однажды на зарубежных гастролях ему пришлось экстренно заменить первого виолончелиста в спектакле «Лебединое озеро» – Володя без особой подготовки сыграл очень качественно, оркестр устроил ему овацию.

Готовясь к очередному исполнению соло во время спектакля, Владимир Николаевич «отключался», примерно за номер прекращая играть, и беззвучно проигрывал предстоящий сольный эпизод, примеряя какой-то «переход» в левой руке или повторяя определённое движение смычка.

Часто они с коллегой-концертмейстером вообще не открывали ноты, целый акт играя наизусть. Я спросила: «Соревнуетесь?». Отвечает: «Не, просто никому переворачивать (страницы) неохота».

Наиболее тесное общение происходило на зарубежных гастролях, потому что вся жизнь коллектива проходила «бок о бок». Бывает, сначала обостряются какие-то конфликты, а потом все привыкают, начинают «притираться» друг к другу, в шутку говоря: «Выключите свет в автобусе, а то мы видеть уже друг друга не можем». Володя в поездках всегда был скромн и мудр, учил всех правилу: «Я никогда не обижаюсь, только делаю выводы».

За рубежом он любил пешие прогулки: так можно было всё увидеть, не спеша осмыслить, одновременно подышать воздухом. Однажды они с другом гуляли и случайно вышли на территорию военной базы, где были мгновенно обнаружены охраной. За завтраком нам сообщили, что вчера полицией были задержаны два интеллигентных артиста оркестра. Все моментально поняли, о ком идёт речь.

Доброта, как и талант, даётся не всем. Когда Владимира Николаевича не стало, то оказалось, что он при жизни всё своё успел раздать: у кого остались ноты, у кого – смычок, у кого – книги, даже виолончель успел пристроить «по адресу», отдал тому, у кого она точно будет звучать мастерски. Не думаю, что он что-то предчувствовал, просто он так жил. Он умел делиться.

Иногда разговор с каким-то человеком становится похожим на передачу «Чрезвычайное происшествие», при этом новостной поток совершенно не предполагает общение. Виолончелист Чирков был не таким человеком. Разговор с ним начинался с улыбки и заканчивался непошлым анекдотом. И жизнь становилась немного легче.